

Весь вечер на манеже

Это был королевский выход. Оркестр грянул что-то легкое, бравурное и очень мелодичное. Луч света повернулся в его сторону, и зрители увидели за дирижерским пультом... клоуна. Вначале подумалось: трюк — мало ли куда заберется клоун, чтобы посмешить людей? Но дирижер взмахивал палочкой, и оркестр чутко повиновался каждому его движению. А потом, как это и положено клоуну, подчеркнуто неловко спустился на канате, взял флейту и подхватил мелодию. Флейту сменил тромбон. В центр круга вышел человек с традиционным носом-картошкой, в специфическом наряде и со специфически утрированными движениями.

Шталмейстер объявил: — Весь вечер на манеже Виктор Коваленко...

Да, так клоуны на арену не выходят. Это был королевский выход.

Ну, а затем действительно был «весь вечер». Шло яркое цирковое представление, и чуть возникала пауза — следовала очередная реприза клоуна. Нонятно, дело артиста этого жанра — не удивлять публику своими музыкальными способностями. Его служебная обязанность — вызывать смех в амфитеатре. И Виктор вызывал.

То он появлялся с поленицей грубых березовых дров. Бросал их на манеж и, как на ксилофоне, наигрывал мелодию. То выходил к публике с ведром, из которого выползала огромная бутафорская змея — страшно, но весело. То перевоплощался в невесту с крутым нравом, сумевшую скалкой завоевать эмансипацию. То появлялся с огромной музыкальной куклой, то оказывался в центре незатейливой мошеннической операции, то в классической клоунаде барахтался в корыте со всамделишной водой...

Зрители хохотали до колик, а я ловил себя на мысли, что с нетерпением жду очередного выхода Виктора Коваленко. И вот почему.

Цирк любят многие. Но, будем откровенны, клоунада в нем не так уж редко раздражает. Эти «рыжие» и «белые» слишком громко кричат, дуют друг друга по чем попало, шлепаются на

ковер, стараясь выжать смех чем угодно — жестокостью, развязностью, которая порой граничит с пошлостью. Такова вековая традиция, и ничего, говорят, тут не поделаешь.

Ну, а что делать с этой традицией зрителю, если он не остался в средневековье? Если он вырос духовно, нравственно? Если воспитан в других эстетических вкусах и чувство гуманности стало одним из его ведущих чувств?

...За весь вечер удалось насчитать две или три затрепщины. Да и то получил их Виктор от «музыкальной куклы» потому, что подыгрывал не своему, а чужому номеру. Оказалось, что без шлепков и пинков тоже можно вызвать смех, да еще какой!

Есть такой популярный актер — Евгений Леонов. И на голове он не стоит, и на его спине никто не топчется. А стоит появиться на экране — в зале улыбки. Экскурс не случаен. Виктор похож на этого артиста — и внешне, и внутренне. Невысок, коренаст, круглолиц. Мягкая улыбка. Добрые, грустно улыбающиеся глаза. Пожалуй, чуть-чуть более подвижен. Ну, на то он и работает в цирке.

Тема современного клоуна стала основной в нашем разговоре после представления. На огонек к Коваленко зашел Александр Лиманский из «Цыганского цирка», принес с собой гитару. Виктор запел романс «Уйди, совсем уйди...», и уже забылось, что передо мной клоун, что какой-то час назад зрители надрывали животы от его шуток. Да и в беседе собственные размышления чередуются с высказываниями Горького, Калинина, Проспера Мерима, Омара Хайяма. Может быть, от этого берет свое начало особый почерк клоуна там, на манеже? Может быть, поэтому он отличается от примелькавшихся нам «рыжих» и «белых»?

За двадцать лет на арене, за четверть века в искусстве он прошел через многое. Искал свою маску, свой образ. Конечно, и традиции успел отдать дань. А потом понял: у нашего цирка — своя мерка.

— Я понял, что пошлость способна унижить во мне не только артиста, но и человека. Наверное, она способна унижить и зрителя...

Сын офицера-фронтовика, он параллельно с первым классом поступил в военную школу музыкальных воспитанников. Десять лет учебы (кстати, среднюю школу Виктор заканчивал в Риге) сделали из него профессионального валторниста. Затем — армейский оркестр, актерский факультет Института театрального искусства. Закончить ГИТИС не удалось — «переманили» в Центральную студию циркового искусства. В класс клоунады. Полтора года стажировался у «Карандаша».

А теперь, когда все это синтезировалось, на арену Рижского цирка выходит разностронне и одаренный, и подготовленный человек. Он выходит под мелодию собственного сочинения — музыкальную пьесу «Веселая прогулка». Несколько произведений клоуна исполняются в разных цирках страны. Он автор ряда собственных реприз. Он рисует. Он профессионально играет на рояле, духовых и многих других инструментах. Он сам создает для себя реквизит: в Польше запаса березовыми дровами, в Сочи высушил их на жарком солнце, в Москве «настроил» полешки — получилась своеобразный ксилофон. И, наконец, он объездил много стран — ГДР, Польшу, Монголию, Египет, Ливан, Алжир, Сирию, Танзанию, Уганду, Конго. Всяду демонстрировал клоунаду нашего, советского цирка — жизнерадостную, гуманную, осмысленную.

...Беседа с клоуном была бы не полной, если бы он не рассказал одну комическую ситуацию из своей практики.

— Однажды в Конго к нам на представление прибыл сам Мобуту. — говорит Вик-

тор Алексеевич. — Цирк преобразился. У всех входов и выходов, даже у нас за кулисами встали дюжие телохранители. А я спешу на манеж с номером «змея». Там все просто: в руках ведро, закрытое крышкой. Одна рука — бутафорская. А настоящая — снизу в ведре. На ней — перчатка в виде большой змеи. Так вот, подхожу я к выходу на арену, а бдительный телохранитель, постучав пальцем по крышке, спрашивает: «Что там, внутри?». Я шевельнул рукой. Крышка приподнялась, из ведра высунулась змеиная голова с широко разинутым ртом. Стражей, для которых пресмыкающиеся не диковинка, как ветром сдуло...

Коваленко весело смеется. Такой у него характер — от души веселиться и после собственных, и после чужих шуток.

— Профессиональное качество?

— Нет, профессиональное — это другое, — отвечает Коваленко. — Был у меня не так давно в жизни период. Ну, в общем, личная драма. Состояние — тяжелейшее. Но каждый вечер надо выходить на манеж, веселить публику. Выхожу, работаю, а сам думаю: «Я, наверное, на всей земле единственный клоун, который научился смеяться». Это страшно — клоун, который научился смеяться. Ну, взял себя в руки. Кризис прошел, и теперь я снова в своем тонусе. Иначе нельзя. Люди идут к нам на представление за хорошим настроением, за веселой шуткой, за смехом. И я от всей души смеюсь вместе с ними.

...Сегодня вечером цирк снова зажжет свои огни. Звучит музыкальная пьеса теперь уже знакомого нам композитора. Шталмейстер возвестит:

— Весь вечер на манеже клоун Коваленко!

И. ГЕЙМАН.